

0-800948

На правах рукописи

ИМАЕВА ИННА ВИКТОРОВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СКАЗОЧНЫХ
СЮЖЕТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ:
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

10.01.09 – фольклористика

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Борисова Валентина Васильевна

Официальные оппоненты: Садекова Айслу Хусяиновна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
отдела народного творчества
ИЯЛИ АН РТ им. Г.Ибрагимова (г. Казань)

Шаулов Сергей Сергеевич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
и фольклора БашГУ (г. Уфа)

Ведущая организация: Институт истории языка и литературы
Уфимского научного центра
Российской академии наук
(ФГБУН ИИЯЛ УНЦ РАН)

Защита диссертации состоится «2» июля 2013 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 при Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан «1» июня 2013 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

832483

Учёный секретарь
диссертационного совета

доктор филологических наук, доцент *А.А. Тимерханов* А.А. Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена тем, что обращение к конфессиональному аспекту фольклорных и литературных текстов позволяет раскрыть важнейшие составляющие национальной картины мира. Важным в этом плане является рассмотрение проблем соотношения устной и письменной традиций, взаимодействия и взаимовлияния фольклорной и книжной культур. Весьма актуальной остается и проблема сравнительного изучения фольклора народов мира, в том числе восточнославянского и восточного. Она может быть рассмотрена на разных уровнях, в том числе и на уровне «сказка фольклорная – сказка литературная».

Степень изученности темы. Первые исследования сравнительно-исторического характера о сюжетах и мотивах русских повестей XVII в. и западно-европейского и славянского эпического и сказочного фольклора появились в XIX в. (Ф.И. Буслаев, А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский). Точность наблюдений, блестящий научный анализ, фундаментальность выводов фольклористов XIX в. по сей день сохраняют непреходящее значение.

В советский период взаимосвязь древнерусских повестей и фольклора раскрыли Н.К. Пиксанов, Н.К. Гудзий, В.Е. Гусев. Прямую зависимость жанров древнерусской литературы от фольклора показал Д.С. Лихачев. О фольклорной природе русских сатирических повестей XVII в. писала В.П. Адрианова-Перетц. Интеграции фольклора и литературы посвящены работы С.Ф. Елеонского, Л.И. Емельянова, М.К. Азадовского, В.М. Сидельникова, У.Б. Далгат, С.В. Алпатов и др.

Наибольший интерес с точки зрения сравнительно-исторического изучения сказки и ее литературных обработок представляют для нас исследования Р.Г. Назирова о фабулах, сформировавшихся ещё в фольклорной и раннелитературной среде, а затем определивших облик литературы Нового времени.

В конце XX в. в фольклористике и литературоведении обозначился другой перспективный аспект – воздействие литературы на фольклор (Д.Н. Мещиш, В.В. Митрофанова).

В целом, несмотря на большие достижения в изучении фольклоризма литературы, он рассмотрен далеко не полностью, не подведены итоги его многолетнего исследования.

Объектом исследования выступают восточнославянские, восточные и западноевропейские варианты сказочных сюжетов «Лиса-исповедница» и «Кот-наставник» и связанные с ними русские и восточные литературные обработки. Эти сюжеты объединены религиозной тематикой и типологически совмещаются в литературной и фольклорной судьбе трикстера-пройдохи, героя-ловкача.

Предмет исследования – художественная структура сказок, рассматриваемая в свете современных научных представлений на восточнославянском и восточном материале сказочных сюжетных типов АТ 61А и АТ 113 и связанных с ними русских и восточных литературных обработок.

Цель предлагаемой работы – проследить эволюцию сюжетных типов АТ 61А и АТ 113 на материале восточнославянских и восточных сказок от их истоков до момента окончательного жанрового оформления сказочного вида и перехода в литературу, а также рассмотреть религиозную картину мира, получившую отражение в текстах сказок данных сюжетных типов и их литературных обработок.

Достижение обозначенной цели обусловлено решением следующих задач:

– осуществить совокупное сюжетно-композиционное исследование материала сказок данных сюжетных типов;

– выявить связи названных сюжетов с русскими и восточными литературными обработками этих сказок;

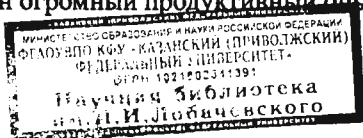
– проследить историческое изменение сюжетных единиц в данных сказках, повестях и их литературных обработках;

– выделить в последовательно рассматриваемых сюжетах «Лиса-исповедница» и «Кот-наставник» и их литературных обработках религиозные мотивы, их сочетания и комбинации, дающие представления о составляющих элементах христианской и мусульманской картин мира;

– описать особенности образного и языкового воплощения конфессионального аспекта в сказках данных сюжетных типов и их литературных обработках.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предметом специального изучения стала литературная история сказочных сюжетов (более 100 вариантов) типов АТ 61А «Лиса-исповедница» и АТ 113 «Кот-наставник», рассмотренная на материале русских и восточных обработок с учетом отражения в них религиозной картины мира. Новый подход обусловлен интегрированным характером историко-функционального и историко-типологического изучения двух анималистических сюжетов в конфессиональном аспекте.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составляют работы ведущих ученых-компаративистов, относящиеся к сравнительному литературоведению и посвященные интеграции фольклора и литературы (А.Н. Веселовский, Н.К. Гудзий, М.О. Скрипиль, В.Е. Гусев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, В.П. Адрианова-Перетц, У.Б. Далгат, С.Ф. Елеонский, М.К. Азадовский, А.Ф. Лосев, И.А. Оссоветский, В.М. Сидельников, Л.И. Емельянов, Р.Г. Назиров, В.В. Борисова, С.В. Алпатов, И.В. Тюрин и др.). В диссертации также учтен огромный продуктивный опыт изуче-

ния фольклорных процессов в Волго-Уральском регионе, Татарстане и Башкортостане, отраженный в трудах таких видных ученых разных периодов, как Э.В. Померанцева, Л.Г. Бараг, И.Е. Карпухин, Г.Р. Хусаинова, К.М. Миннуллин, Л.Ш. Замалетдинов, М.Х. Бакиров, А.Х. Садекова, Ф.И. Урманчеев, Э.С. Касымов, Х.Х. Ярми; А.М. Сулейманов, М.Х. Мингажетдинов, Н.Т. Зарипов и др.

Материал исследования. В качестве исходного используется восточнославянский и восточный фольклорный и литературный материал. Выходы за национально-культурные границы – применительно к литературе – немногочисленны и носят вспомогательный характер. В фольклорной же части они необходимы в силу специфики фольклора. Обширный сказочный и литературный материал привлечен с целью всесторонней характеристики в конфессиональном аспекте заключенных в нем сюжетных мотивов, системы персонажей, основных концептов, художественно-образительных средств: в этом плане рассматривается тематическая группа сказок о ложном благочестии.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в сказковедение, в изучение вопросов поэтики и национального своеобразия сказки, раскрытие механизмов сказочного и литературного повествования; углубляется разработка вопросов отражения в фольклоре и литературе религиозных, нравственных и эстетических ценностей народа.

Практическая значимость диссертации обусловлена тем, что материалы и выводы работы могут быть использованы для лекционно-просветительской работы, при подготовке учебников, учебно-методической литературы по фольклору.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Объем диссертации – 240 с., количество наименований в списке – 250.

Положения, выносимые на защиту:

1. Установленное типологическое сходство сюжетов «Лиса-исповедница», «Кот-наставник» в восточнославянских и восточных сказках подтверждает цельность их сюжетного репертуара при сохранении национальной традиции.

2. Особенностью развития сюжетов АТ 61А и АТ 113 является наметившееся еще в средневековье стремление к их литературным обработкам. В литературных текстах усложняется композиция, появляются новые сюжетные ходы и мотивы, образ главного героя подвергается определенной трансформации.

3. Восточнославянские фольклорные сказки и русские литературные повести XVII в., в частности, связаны со смеховой народной культурой, отсюда следующие их особенности: печать амбивалентного отношения к типам и явлениям религиозной жизни, изображение «перевернутого

мира», следование цели очищения нравов, а не отрицания религии и служителей церкви.

4. Религиозная картина мира в фольклорных и литературных текстах о ложном благочестии различается: литературные произведения приобретают резко сатирический характер, а их фольклорные варианты трансформируются в сказку-небылицу о ловкой проделке героя-трикстера.

5. В художественном развитии фольклорных традиций в литературе выделяются два направления: прямое включение и обработка фольклорных материалов. Фольклорный контекст сознательно используется национальными писателями для создания значимых с этно-конфессиональной точки зрения художественных образов.

6. Литературная трансформация данных сказочных сюжетов подчинена системообразующему принципу взаимодействия коллективного и индивидуально-авторского творчества: сказка как морфологический (сюжетный) вариант и ее литературные обработки выступают в качестве разных воплощений одного фабульного инварианта.

Апробация работы осуществлялась на аспирантском семинаре, лекциях и практических занятиях бакалавров и магистрантов филологического факультета БГПУ им. М.Акумуллы, в ходе фольклорной практики в 2012 году. Концепция диссертации, основные ее положения и выводы изложены в 17 публикациях: 3-х статьях в сборниках из перечня ВАК, 2-х статьях – в сборниках научных трудов и 12 статьях, опубликованных в сборниках материалов конференций. Результаты диссертации представлены в научных докладах, прочитанных на Международных, Всероссийских, Республиканских и зональных конференциях, проходивших в гт. Москве, Санкт-Петербурге, Караганде, Краснодаре, Тамбове, Уфе. Все они опубликованы в сборниках материалов указанных конференций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность и значимость диссертационного исследования, определены его объект и предмет, сформулированы цель и задачи, раскрыты методологическая основа, научная новизна, практическая значимость работы, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблема изучения религиозных мотивов в сказках и их отражения в литературе» состоит из 2-х параграфов, в которых рассматриваются теоретические вопросы обращения к профессиональному аспекту в восточнославянских, восточных сказках и связанных с ними литературных обработках. Состояние изучения религиозных мотивов в них рассмотрено с историко-функциональной точки зрения.

В главе последовательно раскрывается научная история изучения религиозных мотивов в восточнославянских и восточных сказках; показывается, что исследование конфессионального аспекта в фольклоре и литературе в разное время протекало неравномерно. В дореволюционный период, например, религиозные произведения изучались и публиковались, а так называемые антиклерикальные, антирелигиозные – строго отсеивались цензурой. В советский же период ситуация была прямо противоположной: религиозные тексты долгое время игнорировались, а антицерковная, антипоповская сатира рассматривалась однобоко, с атеистических позиций.

Наше время дало возможность исследовать отражение христианской и исламской картин мира в фольклоре и литературе и их исторические изменения. Сегодня изучение сказок с религиозным содержанием особенно актуально. Об этом свидетельствует целый ряд соответствующих исследований Е.Н. Трубецкого, И.Г. Шахматовой, Е.И. Алещенко, в которых особое внимание уделено христианским мотивам в сказках. Специфика так называемого антирелигиозного, антиклерикального фольклора рассмотрена в трудах Ф.Т. Евсеева, А.С. Федосика. Исламские религиозные мотивы в сказках добротного рассмотрены А.Х. Садековой и Г.Р. Хусаиновой, объективно отметивших, что многие жанры фольклора мусульманских народов носят отпечаток исламского миропонимания, хотя в них присутствуют и антиклерикальные мотивы.

Изучение вариантов сказочного сюжета «Лиса-исповедница» в восточнославянском фольклоре требует обращения к древнерусской сатирической повести, послужившей источником для них. Это, например, «Сказание о куре и лисице», относящееся к карнавальная народная культура. Осмеяние священнослужителей является в ней, как показали в свое время М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Б.А. Успенский, атрибутом антимира и смехового поведения. В Древней Руси нередки были пародии на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки, а такие «богохульные» произведения как «Служба кабаку» или «Калязинская челобитная» в XVII в. даже рекомендовались благочестивому читателю и считались «полезным чтением» в силу своей «возрождающей амбивалентности».

В историческом контексте повести и сказки, содержащие критику пороков духовенства, неприятие народом ложного благочестия его представителей, показательны как для средневековой Европы, так и для Древней Руси. Нет оснований, как справедливо указывает Е.А. Костюхин¹, их социологизировать.

Во второй главе «Восточнославянские сказки сюжетного типа «Лиса-исповедница» и их литературные переложения», состоящей

¹ Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – С. 176.

из 4-х параграфов, раскрывается история изучения сказок сюжетного типа АТ 61А «Лиса-исповедница», особенности поэтики, а также влияние на них сатирической древнерусской повести XVII в. «Сказание о Куре и Лисице».

В первом параграфе представлена как сама сюжетная схема восточнославянских сказок сюжетного типа АТ 61А, так и четырнадцать его вариантов, рассмотренные в сравнении с литературной повестью.

Существует несколько версий о происхождении этой сказки: некоторые ученые связывали ее или с западно-европейским, или грузинским животным эпосом. В.Я. Пропп же справедливо отнес ее к сказкам книжного происхождения. Действительно, говорить о народной сказке о петухе и лисице вне ее зависимости от повести невозможно, так как фольклорное произведение в данном случае представляет собой переложение литературного источника. В.П. Адрианова-Перетц также считала, что связанные с древнерусской повестью сказки о лисе-исповеднице сохраняли следы книжного влияния.

Устные варианты литературной повести можно разделить на две группы: в одной сохраняется близкий к повести порядок изложения – лиса видит петуха на дереве, начинает с ним разговор и т. д. Они представлены в сборниках А.Н. Афанасьева, М.И. Смирнова, А.М. Смирнова. Во второй группе сказок – тексты из сборников А.Ф. Гильфердинга, Н.Е. Ончукова, А.И. Никифорова – произошло своеобразное сюжетное удвоение.

В целом сравнительный анализ показал, что все содержание данной народной сказки вполне покрывается литературным источником. Несмотря на изменения, внесенные отдельными исполнителями, следы книжного влияния в ней остаются, и, что особенно важно отметить, в сказке нет ничего, что дополняло бы повесть. Фольклорный текст, избавляясь от чуждых ему теологических споров лисы и петуха, со временем превращается сначала в сказку о ловкой проделке героя-трикстера, а затем в прибаутку, небылицу, главное внимание в которой уделяется балагурной рифме, игре слов и небыличной образности.

По нашему мнению, сказка о лисе-исповеднице возникла не ранее XVIII в., ее оригинал – рукописная повесть о куре и лисе – ни о каком западном влиянии не свидетельствует, а ее существование «во времена летописца Нестора» и родство с романом о Ренаре не может считаться доказанным.

Особое внимание в диссертационном исследовании уделено религиозным элементам в повести и русских народных сказках о лисе-исповеднице, которые являются составной частью христианской картины мира. В вариантах данного сюжетного типа рассматриваются сказочные мотивы, в которых получили отражение такие христианские таинства, как покаяние (исповедь), священство, причащение.

Во втором параграфе рассматриваются сказки тюркоязычных народов, таких, как татары, башкиры, казахи, узбеки, каракалпаки. В тюркоязычных сказках типа «Лиса-исповедница» АТ 61А сюжет имеет следующий вид: 1) встреча лисы и петуха или описание их дружбы; 2) уловки лисы для того, чтобы поймать петуха; 3) петух придумывает отговорки; 4) петух попадает в лапы к лисе; 5) лиса пытается уличить петуха в грехах; 6) уловки петуха, чтобы вырваться из лап лисы; 7) реакция лисы на слова петуха: отпускает петуха (случайно упускает), съедает его; 8) петух улетает; 9) петух смеется над лисой. Все варианты, в отличие от восточнославянских, весьма разноплановы.

Особый интерес представляют татарские сказки². Рассмотрев их в сопоставлении с другими тюркоязычными и восточнославянскими вариантами, мы выявили два типа сказок: к первому относятся те, в которых главными персонажами остаются петух и лиса; во втором – происходит замена петуха на гуся. Это отличительная особенность татарских вариантов, в которых гусь, различными уловками всегда перехитряя лису, улетает, что можно объяснить тем, что у татар гусь – умная и полезная в хозяйстве птица: прежде из гусяного пуха делались подушки и одеяла, хозяйки использовали кисточку из гусяного крылышка, у каждой девушки была гора подушек, набитых гусяным пером, за год до свадьбы гусей готовили в качестве приданого и выносили к свадебному столу. Об особом отношении татарского народа к этой птице свидетельствует и проведение календарно-обрядового праздника «каз өмәсе».

В третьем параграфе исследуется своеобразие поэтики русских сказок о лисе-исповеднице. В частности, рассматривается пространство и время в сказках литературного происхождения сюжетного типа «Лиса-исповедница». Наиболее значимой в них является соотношенность верха и низа, когда возникают параллели: верх – жизнь, низ – смерть (нахождение на дереве для петуха равноценно жизни, а сходжение с него – смерти). Время же в сказке связано с ее бытованием в народной среде, крестьянском быту, организация которого подчинялась природному и сакральному календарю. Изучение хронотопов в сказках о лисе-исповеднице помогает раскрыть пространственно-временные кругозоры мировидения русского народа и выявить выразительную динамику развития сказочного действия. Также в данном параграфе рассматривается роль рифмы в сказках сюжетного типа «Лиса-исповедница». На примере сказки А.К. Барышниковой «Волк серый, смелай» выявляют-

² Балачак аланы. Балалар бакчасы тәрбиячеләре һәм эти-анилар өчен хрестоматия. – Казан: РИЦ нәшрияты, 2011. – С. 55, 92–93; Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 1. Сказки о животных. Волшебные сказки. – Казань: Магариф, 2008. – С. 49.

ся специфические черты скоморошьяго стиля: ритмичность сказа (раешный стих), необычный характер образности и ироничный тон повествования.

В четвертом параграфе рассмотрена литературная судьба сказок сюжетного типа АТ 61А, известных по русским, украинским, польским, греческим фольклорным сборникам, а также по древнерусской «Повести о куре и лисе», прозаические и стихотворные варианты которой дошли до нашего времени в рукописных списках XVIII–XIX вв.; прослежена связь данных сказок с баснями Эзопа и созданной в XX веке литературной обработкой Б.В. Шергина «Лиса-исповедница».

Сопоставление некоторых параллелей басенных сюжетов со сказками и повестями о лисе-исповеднице позволяет предположить, что одним из источников сказок о лисе-исповеднице и связанных с ними повестей о куре и лисице являются басни Эзопа, о чем свидетельствуют общие черты между ними. Сходство отдельных элементов и мотивов в различных вариантах сказок, повестей и басен о петухе и лисе объясняется тем, что русский сказочник и автор «Сказания о Куре и Лисице» могли перенять их из сборников басен, во множестве бытовавших как в рукописном, так и в печатном виде в XVII–XVIII вв. Они становились материалом для народного и авторского творчества. Черты сходства между сказками, баснями и древнерусским «Сказанием о Куре и Лисице» дают основание для их контактного сближения.

Еще одной литературной обработкой русских народных сказок стала сказка Б.В. Шергина «Лиса-исповедница». Писатель XX в. продолжил традиции народных сказочников, обратившись к уже существующему сюжету. К примеру, возможными источниками шергинской «Лисы-исповедницы» послужили сказки из сборников А.Н. Афанасьева (это основной источник), Н.Е. Ончукова и сказочницы М.Д. Кривополеновой, из которых использованы только отдельные фрагменты. В ходе сравнения сказки Шергина и народных сказок также выявлено сходство и отличия фольклорного и литературного вариантов. Для литературной сказки характерны образность и афористичность языка, смешение различных лексических пластов, сочетание старославянизмов с просторечиями, сближение с современной действительностью. Отсюда возможно предположить, что «Лиса-исповедница» Шергина является одновременно и реконструкцией, и авторской обработкой народного сказочного сюжета о лисе-исповеднице.

В третьей главе «Тюркоязычные и восточные сказки типа «Кот-наставник» и их литературные переложения», состоящей из 3-х параграфов, рассматриваются особенности поэтики фольклорных и литературных вариантов о коте, притворном святом, поедающем доверчивых мышей. Этот сюжет приобрел большую популярность на Востоке. Его родиной называют древний Египет (изображения стычки кота с мышью

ми были нередки в древнем Египте), но наибольшей известностью сказка о коте – наставнике мышей пользуется в Индии, Монголии и странах мусульманского мира. Мы обнаружили 30 таких вариантов в сказках народов Востока.

В первом параграфе анализируются тюркоязычные варианты сюжетного типа «Кот-наставник». Сказочный сюжет АТ 113 нашел отражение в фольклоре таких тюркоязычных народов, как татары, башкиры (2 сказки), тувинцы (4), киргизы. Кроме того, имеются даргинский, адыгейские (2), абхазский, абазинский, аварский, дагестанский, чечено-ингушский, осетинский, кабардинский, армянские (2), монгольские (4), бирманский, китайский, индийские (2), персидский, сингальский, берберский, албанский и болгарский варианты данного сюжетного типа.

В опубликованных тюркоязычных сказках типа «Кот-наставник» АТ 113 действие развивается следующим образом: 1) описание причин, из-за которых кот решает обмануть мышей; 2) кот – наставник мышей; 3) предупреждение недоверчивой мыши; 4) кот ловит последнюю мышь или иначе заманивает мышей в западню; 5) попавшие в лапы кота мыши (или мышь) прибегают к разнообразным уловкам и спасаются; 6) разоблачение кота с помощью колокольчика; 7) мнимые грехи мышей, которые кот не может им простить; 8) кот ловит и убивает мышей; 9) моральная сентенция или этиологическая концовка.

Среди сказок данного типа выделяются тувинские варианты. Тувинцы – представители древних тюркских народов, населявших территории Алтая и Сибири, их вера – буддизм или ламаизм. Соответственно в тувинских сказках, в отличие от вариантов других тюркоязычных народов, появляется образ ламы. Обычно в сказках данного сюжетного типа люди изображаются сравнительно редко. Это, чаще всего, хозяин кота (он упоминается в 7-ми из 30-ти анализируемых нами вариантов). В одном из тувинских текстов повествуется о том, что жил некий лама или буддийский монах, который ходил «из аала в аал» и совершал молебны. Когда ему надоело бродить по свету, он решил на берегу реки Кара-Сурга построить себе «хуре» (ламаистский монастырь), чтобы верующие сами к нему ходили. И стал он жить лучше прежнего³. В трех других вариантах рассказывается о том, как в одном монастыре жил лама, ему стали досаждают мыши, они ели не только припасы пищи, но стали даже подтачивать деревянные подпорки основания монастыря⁴: «Не только припасы, а всё, что на глаза попадётся, грызут и портят.

³ Донгак А.С. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции. – Кызыл, 2004. – С. 76.

⁴ Тувинские народные сказки / Пер., сост. и примеч. М. Ватагина. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. – С. 193; Донгак А.С. Сюжеты и мотивы... Указ. соч. – С. 76.

Даже книги молитвенные и те погрызли...»⁵ и т. д. По логике этой завязки в сказках данного сюжетного типа лама приглашает к себе в помощники кота.

В тувинских вариантах, а также связанных с ними монгольских и тибетских сказках, есть упоминание о том, что между ламой и котом был установлен некий договор. В сказках других народов между хозяином и котом нет таких доверительных отношений, в них обычно кот ворует что-либо у хозяина и за это бывает изгнан или покалечен. Только в тувинских сказках лама понимает язык зверей и не только договаривается с котом о взаимовыгодном сотрудничестве, но заставляет мышей слушаться кота. Он созывает всех мышей на собрание («хурал») и представляет им кота как наставника и учителя, который каждый вечер будет читать им священную книгу («судур»). Иногда лама добивается послушания мышей угрозами: «Слушайте его, иначе вас постигнет кара небесная»⁶.

Далее в тувинских вариантах последовательно рассматриваются мотивы, представленные и в сказках других народов: кот, притворившийся святым; предупреждение осторожной мыши; кот ловит последнюю проходящую перед ним мышью; мыши прибегают к уловке с колокольчиком, который тайком вешают на шею кота; разоблачение кота, мыши убегают.

А.С. Донгак⁷ в своей работе приводит архивный вариант, в котором наблюдается совершенно иная завязка действия. В лесу живет кот-наставник (то есть сразу дается установка на его благочестивость), который однажды, будучи голодным, встречает предводителя мышей Эрээдот. Нужно отметить, что в сказках этого сюжетного типа достаточно редко используются имена собственные, чаще всего они рифмуются между собой: это два друга-мышонка Амбе и Рамбе из индийской сказки⁸ или Остроносый и Курносый («Шылк мурун менен Былк мурун») из киргизской⁹. Далее в тувинской сказке повествуется о том, как предводитель мышей предлагает ему стать наставником мышей, говоря, что у них нет «ни религии, ни хана». Мыши стали каждый день делать подношения коту и молиться ему. Однако, кот-наставник поедал

⁵ Кот-наставник. Тувинская народная сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://s-tuloose.narod2.ru/entsiklopediya_koshek_cats_encyclopedia/koshki_-_interesnie_fakti/koshki_v_zarubezhnoi_literature_teatre_i_kino/skazki_narodov_mira_i_koshki/kot-nastavnik/

⁶ Там же.

⁷ Донгак А.С. Сюжеты и мотивы... Указ. соч. – С. 83–84.

⁸ Братец Амбе и братец Рамбе. Индийская сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azku.ru/skazki-narodov-azii/bratets-ambe-i-bratets-rambe.html>

⁹ Киргизские сказки / сост. и пер. с кирг. Дм. Брудного и Э. Эшмамбетова. – М.: Худ. лит-ра, 1968. – С. 218–221.

их, каждый раз хватая последнюю мышку из проходивших перед ним. Подобное начало тувинской сказки напоминает нам «Джатаку о кошачьих повадках»¹⁰, в которой предводитель мышей, поверив в святость шакала, точно так же заставляет своих подданных поклоняться ему, что свидетельствует о возможном литературном влиянии на сказочный вариант. Когда обман kota раскрывается, он начинает охотиться на мышей и однажды убивает самого Эрэдота. Сказка интересна своей этиологической концовкой, не встречающейся в других вариантах: «С тех пор кот начал изводить всех мышей. Мышиное мясо стало деликатесом для котом».

В киргизской сказке¹¹ представлены мотивы, задействованные в большинстве из восточных вариантов: кот, состарившись, не может больше ловить мышей и решает отправиться к ним, чтобы попросить прощения за все, в чем провинился перед ними и т. д. Поэтика этой сказки весьма оригинальна.

Два башкирских¹² и татарский варианты несколько отличаются от других тюркоязычных сказок данного сюжетного типа. Они раскрывают содержание исключительно одного мотива сюжета о коте-наставнике: попавшие в лапы kota мышья (или мышья), прибегая к разнообразным уловкам, спасаются. Этот мотив представлен большим количеством вариантов сказок других народов и зафиксирован чаще всего в указателях сказочных сюжетов под номером АТ 6 «Попавшее в лапы хищника животное заставляет его заговорить и улетает»¹³.

В башкирских вариантах сюжет развивается примерно одинаково. Первый¹⁴ из них – «Мышь и мышонок» – был записан в деревне Кадырша Зилаирского района Республики Башкортостан от Алтынбики Кулабаевой. В нем рассказывается о том, как один мышонок встречает kota, который говорит, что хочет съесть его. Мышонок тут же придумывает уловку, чтобы избежать смерти. Он просит kota повременить с расправой и приглашает его к себе домой отведать блинов. Кот соглашается зайти к нему домой чуть позже. А дома мышья прячутся в треснувшем глиняном горшке. Через некоторое время маленький мышонок говорит матери, что ему хочется чихнуть. Мать, боясь, что кот по этому звуку их обнаружит, запрещает ему это делать. Мышонок во второй раз просит у

¹⁰ Джатаки. Из первой книги «Джатак» / Пер. с пали Б. Захарьина. – М., 1979. – С. 296–298.

¹¹ Киргизские народные сказки / Пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного и К. Эшмамбетова; предисл., авт. примеч. Д. Брудного. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – С. 269.

¹² Башкорт халык ижады: 13-се том. Хайуандар тураһында әкиәттәр. – Өфө: Китап, 2009. – 136–137, 137–138 б.

¹³ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. – Л: Наука. Ленинград. отд-ние, 1979. – С. 54.

¹⁴ Башкорт халык ижады: 13-се том. – 136–137 б.

матери разрешения чихнуть и, наконец, в третий раз, не сдержавшись, громко чихает. От его «чиха» горшок раскалывается надвое, и заснувший в ожидании мышей кот с перепугу убегает. Вся сказка пронизана мягким юмором, сказочник добродушно посмеивается и над не сумевшим сдержать своего «чиха» мышонком, и над котом, перепугавшимся от усиленного эхом чихания мышонка и треска разбившегося горшка.

Вторая сказка¹⁵ – «Цыпленок-обманщик» – была записана в г. Учалы Республики Башкортостан в 1978 году от Садики Каримовой. Она передает тот же самый мотив, но уже с заменой главных героев: вместо мыши и ее сына здесь фигурируют курица и ее цыпленок. При анализе сказок о лисе-исповеднице и коте-наставнике мы часто сталкивались с такой взаимозаменой героев, иногда вместо лисы птица исповедует кот. Такие замены не случайны, они свидетельствуют о глубинной связи отмеченных сюжетов.

Данная сказка, в отличие от предыдущего варианта, короче и начинается со сказочного зачина «В давние-давние времена жили курица и ее цыпленок» («Борон-борон заманда бер тауык менән бер себеш йәшәгән, ти...»). Цыпленок встречает теперь уже не кота, а котенка. Котенок так же говорит цыпленку, что съест его, а тот в свою очередь просит его прийти к нему домой и поесть лучше кашу, которую его мать сейчас варит. Курица и цыпленок прячутся от котенка под треснувший горшок. Цыпленку хочется чихнуть, мать не разрешает ему это сделать, но он не сдерживается и все-таки чихает. От чихания горшок раскалывается, и перепуганный котенок убегает, даже не обернувшись назад. Этот вариант отличается от первого тем, что противник здесь несерьезный: это не кот, а котенок, поэтому и борьба за жизнь в сказке воспринимается как игра.

Татарская сказка «Кошка и мышь»¹⁶ скорее ближе к мифам или легендам, целью которых является этиология. Сказка начинается с описания тех древних времен, когда кошка и мышь были закадычными друзьями и жили на одном из островов. Тема дружбы-вражды двух животных хорошо известна по архаическим мифам о животных. И чаще всего победа одного над другим достигается ценой хитрости или коварства. Но если в сказках других народов сюжетного типа «Кот-наставник» побеждает обычно кот, то в татарской сказке более хитрой оказывается мышь.

Здесь повествуется о том, как кошка разгневалась на свою приятельницу и закричала: «Я тебя съем!». Следующий мотив связывает татарскую сказку с вариантами сюжетного типа о коте-наставнике: попов-

¹⁵ Башкорт халык ижады: 13-се том. – 137–138 б.

¹⁶ Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 1. Сказки о животных. Волшебные сказки. – Казань: Магариф, 2008. – С. 49.

шая в лапы kota или кошки мышшь, прибегая к разнообразным уловкам, спасается. Мышь в данном варианте использует две уловки и, воспользовавшись оплошностью кошки, прячется в маленькой норке. Кошка грозит мышши, что будет ее ждать у входа в нору, пока она из нее не выйдет. Однако та, прокопав под землей длинный ход, выходит наружу с другого конца норы и убегает.

Концовка сказки носит этиологический характер: «С тех пор кошка разучилась спать глубоким сном. По ночам она прислушивается, как скребется мышшь, и часами стережет ее у входа. А мышшь никогда не вылезает из норы, если заметит кошку, сидящую в засаде».

Данная сказка, восходя к архаическим мифам о дружбе-вражде двух животных, сохраняет связи и с более поздней сказочной традицией, повествуя о хитрости слабого трикстера и превосходстве его над более сильным противником. В этом варианте точно воспроизводятся реальные повадки кошки и мышши.

Таким образом, история о коте, притворном святом, представленная в тюркоязычных сказках в сравнении с вариантами других народов Востока, имеет несколько версий. Самая распространенная восходит, вероятно, к античной басне, в которой состарившийся кот созывает мышшей к себе и после покаяния съедает. В странах, где распространился буддизм (и с ним джатаки), бытует версия, в которой мышши проходят гуськом возле kota, и он поедает каждый раз последнюю из них (это Северная Африка, Юго-Восточная Европа и Кавказ, где записано особенно много вариантов). В Персии и прилегающих странах кот отправляется в Мекку, съедая своих спутников или учеников (петуха, утку, вороненка и т. п.) в пещере, либо душе. В целом же сравнительное изучение сказок о коте, наставнике мышшей, убеждает в цельности и единстве сюжетного репертуара народов Востока.

Рассматривая историю повести о куре и лисице, мы установили, что в ней присутствовала сатира, особенности которой обусловлены средневековым мировоззрением. Однако в фольклорном варианте сатира постепенно уходит, и сказка превращается в историю о хитром трикстере, становится веселой небылицей. В случае с котом-наставником все происходит наоборот: в сказке нет явной насмешки над священнослужителями. В дальнейшем, рассмотрев литературную обработку данного сюжета персидским поэтом У. Закани, мы сможем убедиться в том, как сказка о коте-наставнике начинает носить гротескно-сатирический характер и, в отличие от повести о куре и лисице, претерпевает обратную трансформацию.

В сказочные варианты, в которых кот притворяется мусульманином, входят такие мотивы, как покаяние; оно иногда сопровождается просьбой прочесть отходную молитву, мнимым паломничеством в Мекку и т. д. Особенностью данного сюжетного типа является то, что для

создания благочестивого образа кота-мусульманина используются молитвы, также, как и в сказках о лисе-исповеднице, но молитвенные тексты обычно не цитируются, а лишь косвенно упоминаются, или же речь кота является только звукоподражанием молитве. Следует также отметить, что в сказках о коте-наставнике народ высмеивает не религию, а лживых мулл.

Во втором параграфе рассматриваются особенности поэтики тюркоязычных сказок о коте-наставнике. Особенности киргизского варианта¹⁷ о коте-наставнике являются использованные в тексте различные композиционные и стилистические приемы. Так, например, в сказке часто применяются подражательные слова. В киргизском варианте звучит слово «лып», передающее стремительность действия. В предложении: «Бурчка тынч отуруп алып, чычкандарды өткөрүп жиберет да, эн, акыркы чычканды лып баса калыи, жеп коет» («Кوشка спокойно сидела и пропускала мышей, но последнюю мышшь *придавливала* и съедала»), словосочетание «лып баса» можно перевести как «Раз! И схватила». Еще одним подражательным словом в предложении: «Былк мурун булт этип, ийинге кире качты» («Былк-мурун увернулся и спрятался обратно в норку») является слово «булт», использованное в значении «шарахнуться, испуганно рвануться в сторону или увильнуть».

Говорящими являются и имена главных героев – Былк-мурун и Шылк-мурун, где «шылк» – подражательное слово, выражающее «хлоп», а «былк» – слово, похожее на «бульк». Это придает именам особую комичность, поскольку дословно их можно перевести как «Шылк-мурун» – «Хлоп-нос» и «Былк-мурун» – «Бульк-нос». Такие двойные имена сказочных героев обогащают их характеристику.

Киргизский вариант, по сравнению с другими версиями изучаемого сюжетного типа, отличается еще и тем, что в нем присутствуют и даже называются по имени два героя-спасителя, которые, благодаря особому стилистическому приему, объединяются в одно целое. Имена героев различаются лишь одной буквой. Антропоним часто является одним из средств, создающих образ, а также зачастую выполняет, как и в данном случае, функцию усиления комического. Оба имени фонетически схожи, тем самым указывая на единство персонажей, их близость и сходство в поведении. По сюжету сказки эти персонажи действуют сообща, и именно их совместные действия спасают не только их самих, но и всех мышей.

Присутствует в сказке и числовая символика – в трехкратном повторении действия. Кот просит мышей приходить к нему по три раза в день и съедает в день трех мышей. Число три является нумерологическим

¹⁷ Киргизские народные сказки. Указ. соч. – С. 220.

лейтмотивом многих сказок разных народов. Даже если оно не несет особой смысловой нагрузки в сказке, в сюжете сохраняется троичная структура: кот просит мышей три раза проходить мимо него и каждый раз съедает последнюю из них. Если в волшебных сказках число три несет символический характер – это три подвига, три задачи, три головы змея, то в данном варианте, как и в большинстве сказок о животных, все сводится к еде; трехкратная встреча с мышами – это завтрак, обед и ужин кота.

Парные слова используются во множестве вариантов отмеченного сюжета. Так, и в киргизском варианте встречаются синонимическая пара «өткөн-киткөн» (буквально можно перевести как «было-прошло») и антонимическая пара «артың-алдын» (спереди-сзади). В тувинской сказке рассказчик Чанчы-Хоо, следуя сказочному стилю, также использует парные слова и формулы: «шажын-даа чок улус бис, хаан-даа чок улус бис» (нет у нас религии, нет у нас хана), «дун, хуи-даа чок» (дня не замечая, ночи не различая), «ийи караа саргара берген, ийи караа дувунде душкен» (оба глаза желтыми стали, оба глаза на донышки запали), «суттеп эккелицер дээш чоруткан кускелери сутке дужуп олуп турган, хойтпактап эккелицер дээш чоруткан кускелери, хойтпакка дужуп олуп турар апарган» («принесите молока!» – говорил, отправляя мышей, а те в молоке тонули, «принесите сметану!» – говорил, отправляя мышей, а те в сметане тонули) и т. д.

В нашем исследовании подробно рассмотрены три тувинских варианта данного сюжетного типа. Первый, архивный вариант, приводит в своей работе А.С. Донгак¹⁸. В нем, как и в предыдущей версии, встречается персонаж, имеющий имя, – это предводитель мышей по имени Эрэдот.

Так же, как и в киргизской сказке, в тувинской – используются парные выражения, в которых первое слово имеет нейтральное значение, а второе – содержит эмоциональную окраску или усиливает какое-либо действие: «кыргып-хыдып» (подстригал-истреблял), «ижип-чип» (ел-пил), «амыраан-еерээн» (радовался-восхищался), «элегдеп-турегдеп» (захирел-обнищал). Повторы используются и при гиперболизации: «чус-чус» (сотни и сотни), «муц-муц» (тысячи и тысячи).

Однако некоторые тувинские варианты о коте-наставнике, такие, например, как «Моортай башкы» («Кот-наставник»)¹⁹, содержат относительно мало художественных элементов и представляют собой лишь сухое и краткое изложение сюжета.

¹⁸ Донгак А.С. Сюжеты и мотивы... Указ. соч.: – С. 83–84.

¹⁹ Тувинские народные сказки / Отв. ред. К.А. Бичелдей. – Кызыл: Изд-ние Тувинск. гуман.-исслед. Ин-та, 2012. – С. 554–555 (на тувинск. яз.).

Н. Рошияну²⁰, рассматривая традиционные формулы сказки, указывал, что любой тип сказочных персонажей обладает специфическими формулами, при помощи которых фиксируются определенные черты и действия персонажа. Однако, при сравнении сказок о коте-наставнике, мы обратили внимание на то, что их народные и литературные варианты отличаются характеристикой образов главных героев. В литературных описаниях героев используются красочные эпитеты, яркие детали, в народных же вариантах персонаж раскрывается больше через диалог и действия, зачастую создание образа ограничивается фразами общего типа «жил-был кот». В отличие от них персидская обработка сказочного сюжета «Кот-наставник» У. Закани²¹, например, поражает развернутой характеристикой персонажа: кот подобен страшному дракону, он и дальнорский, и охотящийся на львов и т. д.

В русской обработке Н.Д. Телешова «Покровитель мышей»²² мыши возвеличивают кота при помощи эпитетов «ласковый», «обходительный», «умный», «благочестивый», используется сравнение «не то что собака – та и лается, и бросается, а этот: «Мяу!» – и к себе на печь». Рассмотренные выше народные варианты обычно ограничиваются наименованием персонажа, обозначением места, в котором он живет (например, в тувинском варианте – это монастырь), но дальнейшие характеристики героя выводятся из его речи. Так, одной из характеристик кота в тувинском варианте²³ становится его чрезмерная гордость: «Кот возгордился и приказал» («Моортай бодун ору кордунуп»), «кот устроился в гнездышке и гордился тем, что теперь ему не придется голодать» («“Моон сонгаар аштавас мен” – деп, моортай аянзып тургулаан»).

В другой тувинской сказке²⁴ мышь называет кота «ученым», «обходительным», «всех любящим». В тувинских вариантах также нередко встречаются сравнения кота с мангысом-чудовищем. В киргизском варианте²⁵ о коте говорится, что он постарел: «Мышыктын карылыгы жетип». Однако, в речи кота много выражений, характеризующих его как очень лстивого и хитрого персонажа. Например, обращаясь к мышам, он говорит: «Кымбаттуу туугандар» (дорогие друзья),

²⁰ Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – С. 126.

²¹ Закани Убейд. Кот и мыши (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://kitaphane.narod.ru/zakani01.htm>. Далее приводятся цитаты из этого источника.

²² Телешов Н.Д. Покровитель мышей (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://scvorechnik.narod.ru/teleshov/kingofmouse.htm>покровитель

²³ Донгак А.С. Сюжеты и мотивы... Указ. соч. – С. 83–84.

²⁴ Кот-наставник. Тувинская сказка (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://s-tuloose.narod2.ru/entsiklopediya_koshek_cats_encyclopedia/koshki_-_interesnie_fakti/koshki_v_zarubezhnoi_literature_teatre_i_kino/skazki_narodov_mira_i_koshki/kot-nastavnik/

²⁵ Киргизские народные сказки... Указ. соч. – С. 269.

«Өткөн-кеткен күнөөм болсо, кечирип койгула» (какие-нибудь дела вспоминаю, самому стыдно становится).

Иногда в сказках внимания уделяется мышам. Так, в киргизском варианте действуют два друга-мышонка – Шылк-мурун и Былк-мурун, а в башкирском варианте²⁶ главным героем сказки становится маленький мышонок, который благодаря хитрости не просто избегает смерти, но с помощью неожиданного чихания прогоняет кота. Выше мы рассматривали сюжеты башкирских сказок «Сыскан менэн унын былаһы» («Мышь и мышонок») и «Алдаксы себеш» («Цыпленок-обманщик»)²⁷. Сходство этих сказок позволяет сравнить их и на языковом уровне. Обе сказки построены на диалоге и анекдотической ситуации – чихание мышонка пугает кота, и тот убегает. В этих сказках, в отличие от множества других вариантов, нет описания смерти, кульминацией становится чихание мышонка или цыпленка и побег кота.

Один из башкирских вариантов отличается традиционным зачином: «Борон-борон заманда бер тауык менэн бер себеш йәшәгән, ти» (В давние-давние времена, говорят, жила одна курица с цыпленком). Н.Т. Зарипов называл такие зачины «наиболее типичными для башкирских и татарских сказок вообще» («борон-борон заманда»)²⁸. В нем сказуемое употреблено в форме давно прошедшего времени: аффикс -гән указывает на то, что было давно и известно только из разговоров (слухов). Г.Г. Хусаинова называет такие зачины «хронологическими»²⁹.

Также в текст может добавляться вводное слово «ти» (говорят), употребление такого глагола придает сказке особое звучание. В сказке «Мышь и мышонок» зачина нет, в текст вводится частица «да», например: «кайткан да эсәһенә» (пришел к матери), повествование начинается с конкретных действий. Нет в этой сказке и финальных формул, она завершается констатацией события – побегом кота, то же самое происходит и в варианте «Цыпленок-обманщик». В целом, язык обеих сказок довольно простой и не изобилует изобразительными средствами, однако, в отличие от остальных вариантов, они насыщены диалогами персонажей, что придает повествованию особую живость. Описание событий, передаваемых с помощью вводных слов и частиц, становится ярким и смешным. Неожиданный финал этих сказок не требует иного завершения, – конфликт разрешен.

²⁶ Башкорт халык ижады: 13-сө том. – 136–137 б.

²⁷ Там же. – С. 137–138.

²⁸ Зарипов Н.Т. Башкирские богатырские сказки: Эстетика жанра. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 209.

²⁹ Хусаинова Г.Г. Поэтика башкирских народных сказок. – М.: Наука, 2000. – С. 14.

В целом, в тюркоязычных сказках о коте-наставнике мы практически не встречаем инициальных формул или зачинов. В сказках чаще всего используются такие зачины, как «давным-давно», «жил-был на свете» или же просто «жил кот-наставник». Такие глагольные формы подчеркивают, что действие сказки происходило в прошедшем, отдаленном времени, и даже если в начале сказки отсутствует указание на «когда-то» или «жил», в конце приводится заключение с указанием на прошедшее время, констатируется существование героя и перемещение его во времени (хотя оно точно не определено, обозначена лишь временная отдаленность действия).

Формулы пространства и топографические формулы присутствуют в анализируемых сказках постоянно. Указание на место действия в тюркоязычных вариантах может сводиться к лесу, монастырю или определенному городу. Поскольку место является реальным, то вместе с временными указаниями сказка приобретает еще более правдоподобный характер. Так в тувинских вариантах действие обычно происходит в монастыре или лесу. В обработке данного сюжета У. Закани имеется еще более точное указание на место проживания кота – город Керман.

В основном, сказки данного сюжетного типа содержат этиологическую концовку, поясняющую какие-либо действия или поступки персонажа: «поэтому и по сей день» или «с тех пор». Такая концовка призвана убедить слушателей в правдивости рассказанного, она присутствует в сказках многих народов и особенно часто в сказках о животных. В нашем случае отмечено несколько типов этиологической концовки: объясняется, почему мыши остерегаются кошек, почему кошки едят мышей, почему кошки прячут свой кал, почему кошки умываются после еды, откуда пошли все теперешние мыши. В рассмотренных тюркоязычных вариантах подобные концовки встречаются редко. Тувинская сказка, например, заканчивается так: «с тех пор мыши стали остерегаться кошек», или «с тех пор кот начал изводить всех мышей, а мышинное мясо стало деликатесом для котов». Такие концовки возвращают сказку к реальности, поясняя некоторые особенности животного мира.

Рассмотрев тюркоязычные варианты сюжетного типа «Кот-наставник», мы можем сделать вывод, что в них, как и во многих сказках о животных, редко встречаются инициальные формулы в виде зачинов и концовок, а также присказки. Чаще всего в сказках данного сюжетного типа используется троичность. Наиболее ярко персонажи раскрываются в диалогах между собой. Так как сказки о животных чаще всего адресованы детям, в них встречается относительно малое количество художественно изобразительных средств, используются большое количество глаголов для более сильного выражения действия, звукоподражание, разговорная лексика и т.д.

Третий параграф главы посвящен анализу литературных переложений сказочного сюжета «Кот-наставник». Литературная судьба этого сюжета связана с восточным сборником «Джатаки», он обошел многие страны света, отразившись в византийской поэзии XII в., персидской сатирической лирике XIV в. и русской литературе XVIII и XIX столетий.

Наиболее интересной представляется сказка персидского поэта и прозаика Убейда Закани «Кот и мыши». Автор использует известный сюжет народной сказки о коте-наставнике. Общими для фольклорного и литературного сюжетов являются следующие мотивы: кот, притворившийся святым, заманивание мышей в западню, кот ловит и убивает мышей, моральная сентенция или заключение автора. Совершенно иначе представлен образ кота: гиперболически описываются его достоинства. Интересен и диалог кота и мыши, которая просит о помиловании, что напоминает прения лисы и петуха.

Одной из важнейших особенностей данной литературной обработки является усиление сатиры. В авторской сказке кот, надев маску благочестия, олицетворяет падение нравственности. Так, сразу после убийства мышей, он идет в мечеть, будто бы замаливать свой грех.

Вторая литературная обработка принадлежит Феодору Продрому, поэту, жившему в XII в. в Константинополе. Наибольший интерес представляет его «Мудрейшего господина Продрома схода о мыши», так как в ней не кошка притворяется священнослужителем, а мышь.

В литературных произведениях писатели уделяют особое внимание психологической характеристике образов, которая становится более детализированной в отличие от схематичных фольклорных персонажей, характеры которых предопределены сюжетным развитием. Например, в сказке Продрома мышь, попав в когти кошке и желая обмануть ее своей благочестивостью, говорит: «Я среди наших хожу в игуменах и сподобилась великой схимы; у меня и клобук, и мандий, и все остальное; а среди моей паствы я установила твердое правило: дважды в субботу молиться о твоём благе»³⁰.

Вместо привычного сказочного образа кота здесь показана мышь, которая становится олицетворением лживого благочестия. Мышь, желая подтвердить сказанное, начинает петь псалом. Продром использует в тексте настоящие псалмы – псалом 6,1 и 37,1, далее мышь исполняет парафразы на псалмы 37,5; 68,4; 87,16; 37,7. Кот так же отвечает мыши цитатами из Книги Осии, 6, 7; Второзакония, 32, 14 и псалмов 18, 11; 88, 22 (см. диалог петуха и лисы, в котором они оперируют цитатами из Священного Писания). Следовательно, в произведении Ф. Продрома присутствует

³⁰ Памятники византийской литературы IV–IX веков / Под ред Л.А. Фрейберг - М.: Наука, 1969. – 463с. – С. 214–216.

заимствование из сказки. В данном случае используется конкретный образ животного из сказки о животных, притворяющегося священнослужителем.

Третья литературная обработка – это Джатака, древнейшая индийская обработка сказок о животных, повествующая о прежних жизнях Будды. Наиболее интересной представляется основная часть джатак – басни и сказки о животных. В одной из джатак – «Джатаке о кошачьих повадках» – рассказывается история о монахе-притворе. Она начинается с того, что Бодхисатва (Будда) переродился в образе мыши. И опять, как у персидского поэта Закани, здесь встречается гиперболически выдержанное описание качеств главного героя: он огромен. Как антагонист огромной мыши в джатаке появляется шакал, который рещает, подобно коту, обмануть мышью. Обман шакала – его желание притвориться святым – также соответствует сказкам сюжетного типа о коте-наставнике.

Эпизод с убийством шакала интересен тем, что фольклорное трикстерское начало здесь сметает однозначность моральных оценок: никто не будет жалеть шакала или погибших мышей. Поедание шакала, таким образом, превращается в пир победителей, не вызывающий ни у кого жалости: «царь мышей подпрыгнул, впился зубами шакалу в шею и, добравшись до горла, враз перекусил его, лишив тем шакала жизни. Тут набежало множество мышей, и все принялись пожирать останки шакала – только и слышалось: «Хруп! Хруп!» И говорят, мыши, поспевшие первыми, ещё сумели добыть для себя довольно шакальего мяса, а последним ничего уже не досталось»³¹.

В данной джатаке применяется сюжетное заимствование, правда здесь происходит замена традиционного для фольклора образа kota на образ шакала. Однако, все функции героя-трикстера при этом сохраняются.

Четвертая литературная обработка – это басня известного русского поэта XVIII в. А.П. Сумарокова «Кот и мыши». При создании басен «Мышиный суд» и «Кот и мыши» он использовал фольклорные сюжеты. В «Мышином суде», например, получил отражение мотив «кот с колокольчиком», который распространен в сказках разных народов и присутствует в рассмотренных выше вариантах. В каждом из фольклорных вариантов упоминается совет мышей, на котором они решают использовать колокольчик, но только у Сумарокова эта сцена превращается в сатирическую, в ней описываются все беды, испытываемые мышами от kota. В народных сказках мыши могут подарить колокольчик коту или же тайно его повесить, и лишь в одном варианте изображаются праздное фантазирующие мыши, которые так и не решаются сделать это. У Сумарокова одна из мышей выносит невыполнимый приговор – повесить колокольчик на шею kota. Мыши отказываются это делать.

³¹ Памятники византийской литературы IV–IX веков. – С. 297.

В басне «Кот и мыши» поэт использовал другой мотив из сказок о «коте-наставнике»: уловка кота – притвориться повешенным. Наиболее ярко этот мотив представлен в украинской сказке «Панихида по коту»³². Как и во многих сказках этого типа, кот вынужден пойти на обман после того, как мыши попрятались, и ему стало нечего есть. У Сумарокова мыши тоже спрятались, и кот притворяется повешенным, чтобы выманить их из нор.

Народные сказки носят веселый характер, независимо от того, съедены ли мыши котом или сумели спастись. Например, в «Панихиде по коту» кот, перехитрив мышей, нападает на них: «Немало он их изувечил, штуки три насмерть задушил, а несколько штук покалечил, мыши едва поудирали куда попало...» Но смерть и увечья не влияют на веселящие читателя проделки хитрого кота. Литературный же автор может вызвать сочувствие к героям, помещая их в ситуации, оправдывающие их в нравственном смысле. Сумароков не только раскрывает лживость кота, но и дает ей свою оценку.

Еще одна обработка этого сюжета была сделана русским писателем XIX в. Н.Д. Телешовым. Его сказка «Покровитель мышей»³³ тоже больше напоминает басню. Телешов наделяет кота, с одной стороны, типичными чертами, которые обычно приписываются этому животному (ловкостью, умом, хитростью, находчивостью, осторожностью, проворством), с другой, – людским притворным благочестием. Однако в этом варианте именно мыши характеризуют кота, решив попросить его быть их покровителем; мыши среди прочих называют такие его качества, как: ласковый, обходительный, умный, благочестивый, «не то что собака, – та и лаеся, и бросается».

В «Покровителе мышей» обнаруживается несколько основных эпизодов, встречающихся в сказках о коте-наставнике: совет мышей, благочестивый кот, кот поедает мышей, разоблачение кота и характерная для басен моральная сентенция.

Во многих вариантах сказка начинается с описания обстоятельств, из-за которых кот решает обмануть мышей, в данном же случае кот только воспользовался глупостью мышей. В отличие от других вариантов, это единственная сказка, в которой мыши сами создают себе образ благочестивого кота. Телешовым был использован мотив поедания последней из мышей, которые замечают уменьшение численности своей популяции и решают проследить за котом. При этом автор использует типичные для народной сказки выражения, которые легко узнаются читателем. Таким образом, А.П. Сумароков и Н.Д. Телешов использовали мотивное и сюжетное заимствования. Еще одной литературной

³² Когда звери говорили: 375 мифов, сказок, басен, анекдотов / Сост., предисл., коммент. и указ. Е.А. Костюхина. – М.: Вост. лит., 2004. – С. 216–217.

³³ Телешов Н.Д. Покровитель мышей. Указ. соч.

обработкой сказочного сюжета «Кот-наставник», в которой также представлено мотивное заимствование, является стихотворение татарского поэта Хади Такташа «Благочестивая кошка»³⁴.

Данные обработки подтверждают то, что один из первоэлементов традиционной сказки – мотив – весьма органично проникает в современные художественные произведения, отражаясь в их сюжетостроении. Наследуя фольклорную традицию, литература может сохранять тот или иной сказочный мотив в неизменном виде, а может подвергнуть его существенной трансформации. Но, так или иначе, мотивное и сюжетное заимствования остаются самыми продуктивными путями взаимодействия сказки и художественной литературы.

Степень сохранности фольклорного сюжета в каждом из рассмотренных литературных произведений различна, неизменна сама их связь со сказками о ложном благочестии, до сих пор остающихся источником вдохновения для писателей.

В заключении подводятся основные итоги историко-типологического исследования в конфессиональном аспекте двух анималистических сюжетов «Лиса-исповедница» (АТ 61 А) и «Кот-наставник» (АТ 113), рассмотренных на восточнославянском и восточном материале, и их отражений в литературе, что свидетельствует как о типологически общих чертах в фольклорных и литературных текстах, так и их национально-культурном своеобразии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых журналах из перечня ВАК РФ:

1. Имаева И.В. Сказка Б.В. Шергина как объект фольклорно-литературного взаимодействия // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. – 2012. – № 1. Шифр Информрегистра: 0421000093\0033. Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/index.php/2010-2/210-filosofia/458-2010-07-01-09-26-09>; www.teoria-practica.ru/-1-2012/philology/imaeva.pdf

2. Имаева И.В. Некоторые параллели басенных сюжетов со сказками и повестями о лисе-исповеднице // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 69. № 23 (277) 2012. – С. 57–60.

3. Имаева И.В. Сказки о коте-наставнике в традиции народов Востока // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб.: Изд-во «Книжный дом», 2012. – № 11. – С. 25–30.

³⁴ Такташ Х. Умница. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. – 9 с.

Публикации в сборниках научных трудов и материалов конференций:

4. Имаева И.В. Христианские мотивы в сказках о лисе-исповеднице // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб.: Изд-во «Книжный дом», 2011. – № 8. – С. 22–25.

5. Имаева И.В. Истоки антиклерикальной сатиры // Современные проблемы литературоведения и лингвистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: сборник научных трудов. – Уфа: Изд-во БГУ, 2013. – С. 23–26.

6. Имаева И.В. Параллели сказочного сюжета «Все женщины одинаковы» // XIV Международная научная конференция студентов-филологов. Тезисы. Ч. 6 (4-8 апреля 2011 г.). – СПб.: изд-во СПбГУ, 2011. – С. 38–39.

7. Имаева И.В. Трансформация народной сказки в творчестве Б.В. Шергина // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: Материалы I международной научно-практической конференции 20–21 октября 2011 г.: Москва, 2011. – С. 168–171.

8. Имаева И.В. Фольклорные истоки сказки Б.В. Шергина «Лиса-исповедница» // История, современное состояние и перспективы развития теории и практики преподавания литературы и языка: сборник научных трудов и материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посв. 70-летию д.ф.н., проф. Р.К. Амирова (Уфа, 9–10 ноября 2011 г.). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – С. 30–33.

9. Имаева И.В. Басенное начало в сказках о лисе-исповеднице и связанных с ними повестях // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 180-летию со дня рождения М. Акмуллы, 16 декабря 2011 г. – Уфа: Изд-во БГПУ. – С. 105–108.

10. Имаева И.В. Пространство и время в сказках литературного происхождения сюжетного типа «Лиса-исповедница» // Миф – фольклор – литература в культурной традиции Евразии: Материалы междунар. научно-теорет. конф. – Караганда: Центр гуманитарных исследований «Тезис», 2011. – С. 86–90.

11. Имаева И.В. Конфессиональный аспект в сказках и повестях о лисе // II Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сборник материалов конференции (1 декабря 2011 г.). – Краснодар, 2011. – С. 51–53.

12. Имаева И.В. Фольклорные истоки «Сказания о Куре и Лисице» // Современные тенденции в науке: новый взгляд: сб. науч. тр. по материалам Междунар. заоч. науч.-практ. конф. 29 ноября 2011 г.: в 9 частях.

Часть 8; М-во обр. и науки РФ. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – С. 45–46.

13. Имаева И.В. Хронотопы в сказках о лисе-исповеднице // III Международная научно-практическая конференция Молодых ученых (30 ноября 2011 г.): Сборник научных трудов / Под науч. ред. д.п.н., проф. И.А. Рудаковой. – М.: Издательство «Спутник+», 2011. – С. 339–342.

14. Имаева И.В. Использование информационных технологий при изучении сказок в школе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Прикладная информатика и компьютерное моделирование» (25-28 мая 2012 г.). Т. 1. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2012. – С. 97–98.

15. Имаева И.В. Религиозный аспект в сказках // Инновационный потенциал молодежной науки: Материалы Всероссийской научной конференции 19 октября мая 2012 г. / Под ред. А.Ф. Мустаева. – Т. 2. – Уфа: Фабритек, 2013. –С. 133–136.

16. Имаева И.В. Осмеяние ложного благочестия в сказках о котенаставнике // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы VII Международных Акмуллинских чтений, 3-7 декабря 2012 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – С. 46–47.

17. Имаева И.В. Фольклорные истоки басен А.П. Сумарокова // Материалы XIII Региональной научно-практической конференции «Система непрерывного образования: школа – педколледж – вуз», 19 марта 2013 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – С. 62–65.

Подписано в печать 31.05.2013
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ К-80

Отпечатано в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

10-